

А. П. Майоров

## РОССИЙСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС XVII ВЕКА И СРЕДСТВА ЕГО ПОСТРОЕНИЯ

### Аннотация

Предметом исследования являются средства построения сибирского колониального дискурса, называемые в работе дискурсемами. Предпринят социолингвистический подход, предусматривающий анализ социального контекста как источника семантических сдвигов и формирования нового значения у языковых средств дискурса. Приводятся типичные примеры дискурсем по каждой классифицируемой тематической группе: *привести (прийти) под высокую государеву (царскую, самодержавную) руку / быть под высокой государевой (царской, самодержавной) рукою; острог, поставить острог; землица; князец, лутчие люди; иноземец*. Использование подобных языковых средств в роли дискурсем призвано выполнять функции воздействия на социальное сознание адресата и формирования у него определенных моделей поведения.

### Ключевые слова

колониальный дискурс, дискурсема, социальный контекст, семантический сдвиг, социальное значение

Дискурс российской власти XVII в. – феномен сложный и многоаспектный. Одним из его важных проявлений в этот период является колониальный дискурс, под которым понимается дискурс власти, формируемый специфическими функциями государства в новых геополитических условиях.

Власть в Московской Руси XVII в. еще сохраняла признаки так называемого вотчинного государства или, по М. Фуко, власти-господства [Фуко 2007, с. 59–63]. «В основе вотчинного государства находились принципы «властоцентричности и сильной государственной власти, авторитарно-властного господства, служения государю,

**Цитирование:** Майоров А. П. Российский колониальный дискурс XVII века и средства его построения // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 24–29.



чения – значения, обусловленного теми социокультурными факторами его порождения, которые актуализируются говорящим в соответствующем контексте.

В свете актуальных для анализа колониального дискурса понятий «социальный контекст» и «социальное значение» методологически корректным будет использовать наименование языковых средств построения дискурса термином «дискурсемы» ввиду неточности употребления термина «языковые средства» и занятости в исследовательском обороте термина «дискурсивные слова» в ином значении.

*Дискурсемы* – это вербальные и/или невербальные средства выражения власти дискурса, навязывающего определенные стандарты коммуникативно-речевого поведения отдельным лицам и целым социальным группам в типичных ситуациях. Иными словами, эти средства построения дискурса выражают определенные отношения, складывающиеся между представителями данного социума, и посредством документного дискурса устанавливают своего рода правила их соблюдения.

Выбор данных дискурсивных средств обусловлен лингвопрагматическими правилами дискурсивной практики той или иной сферы коммуникации в определенный исторический период. Главными признаками дискурсемы являются ее организующая роль в построении дискурса, контекстуальное и конситуативное значение, зависимость семантики и стилистической окраски дискурсемы от жанровой принадлежности текста, а также функция скрытого воздействия на адресат.

Для исторического дискурсивного анализа важно то, что «когда та или иная практика перестает по разным причинам быть актуальной, текст становится герметичным и трудно интерпретируемым, что и происходит с современным адресатом. Контекст производства текста перестает быть узнаваемым» [Чернявская, Нефёдов 2020, с. 88]. Нельзя, вслед за В. Е. Чернявской и С. Т. Нефёдовым, сказать, что, например, приведенный выше текст Справки закрыт для понимания, но то, что он понимается неоднозначно и вызывает много вопросов, – отрицать не приходится.

Условно дискурсемы колониального дискурса можно разделить на три тематические группы:

1) колониальная власть: *привести (прийти) под высокую государеву (царскую, самодержавную) руку / быть под высокой государевой (царской, самодержавной) рукою; вечное ясачное холопство;*

2) деятельность по колонизации: *землица; приискиванье новых неясачных земель; острог, поставить острог; ясачный соболиный сбор; аманат;*

3) колонизированные: *князец, лутчие люди, улусные люди; (не)ясачные люди; ясачный иноземец; промышлять ясак, платить ясак.*

Семантические сдвиги отмечаются у дискурсем каждой группы, и они, как уже указывалось выше, могут быть релевантно истолкованы только в рамках социального контекста. Представим данные изменения на отдельных примерах по каждой группе.

Так, появление конструкций *привести (прийти) подъ твою государеву высокую руку / быть подъ твою государевой высокою рукою* в значении ‘побудить принять российское подданство / быть российским подданным’ было непосредственно связано с процессом освоения новых территорий Российской империей в XVI–XVII вв. До этого периода в истории русского языка известен только близкий по смыслу оборот *подъ чьей-л. рукою* в значениях ‘под чьим-л. руководством’; ‘в подчинении у кого-л.’; ‘под контролем, в пределах достигаемости’; ‘под чьим-л. покровительством’ [Сл. XI–XVII 1997, с. 243]. Ключевой элемент в конструкции – предлог *подъ*, в семантике которого получает развитие сема «охраны», которая характеризовала статичный фоновый объект (*высокая государева рука*), «покрывающий» фигуру (представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока) [Плунгян, Рахилина 2014, с. 32]. В контексте восприятия адресат должен был чувствовать себя под защитой российского монарха в той же простой вертикальной иерархии власти вотчинного государства, как и другие российские подданные.

Для сибирского колониального дискурса в отличие, например, от кавказского дискурса актуальным становится понятие острога как форпоста и оплота Российской империи на восточных окраинах. В качестве дискурсема слово *острог* также характеризуется новым семантическим наполнением. Отталкиваясь от значений древнерусского слова острогъ ‘частокол’ и ‘внешнее окружное укрепление города’ [Сл. XI–XIV 2000, с. 190] в контексте освоения сибирских территорий лексема приобретает значение ‘окруженное деревянными стенами с башнями селение, которое служило укрепленным пунктом, а также своеобразным административным центром на восточных рубежах Московского государства’. В связи с этим выражение *поставить острог* означало не просто заниматься возведением оборонительных строений. В семантике слова содержалось множество социальных коннотаций, связанных со всей деятельностью сибирской администрации по сбору ясака и защите «ясачных иноземцев», содержанию аманатов и обеспечению безопасности служилых людей, предоставлению довольства казакам, участию в поддержке русско-монгольских и русско-китайских отношений и др. Острог выступал как символ государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток. Неслучайно в отписках отчет о возведении новых острогов с подробным описанием их строительства, ремонте старых острогов в течение семнадцатого столетия приобретает регулярный характер.

В группе дискурсем по характеристике колониальной политики привлекает внимание слово *землица*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. оно толкуется как «уменьшительно-уничижительная форма слова **земля**1 (в знач. 8, 9)» [Сл. XI–XVII 1978, с. 375], то есть в значениях ‘8. Обрабатываемая земля, нива, пашня; земельное угодье’ и ‘9. Страна, государство, край, земля’ [Сл. XI–XVII 1978, с. 376], но это толкование мало способствует пониманию смысла его употребления в тексте Справки. Распространенность употребления слова в официальных документах распорядительного и отчетно-исполнительного характера – указах, приговорах, памятях, отписках, наводит на мысль об отсутствии эмоционально-экспрессивных коннотаций в значении слова и об его терминологизации в колониальном дискурсе как специальной номинации интегрируемых в состав Российской империи тех земель, которые завоевываются не масштабными боевыми действиями, а преимущественно мирным, договорным путем.

Освоение территорий, населенных коренными народами циркумбайкальского региона, должно было сопровождаться межэтническими и межъязыковыми контактами, результатом которых ожидалось бы употребление в русском документном дискурсе автохтонных заимствований, обозначающих административные должности в бурятском обществе того времени. Этого не происходит, и отсутствие должностных терминов *даруга*, *зайсан*, *засул*, *тайша*, *шуленга* объясняется тем, что данные термины заменяются русскими наименованиями *князец*, *лутчие люди*. В контексте эпистемы колонизации и выстраивания жесткой вертикали власти-господства разграничение инородцев по социальному статусу оказывалось ненужным. Замещение автохтонных заимствований русскими терминами *князец*, *лутчие люди* связано с выполнением ими функции дискурсем по упрочению имперского сознания у бывших и новых российских подданных, закреплением за термином представления о вассальной зависимости ясачных людей.

О неоднозначной интерпретации отмеченных в Справке дискурсем и важности привлечения в этом случае социального контекста свидетельствует немало исследований, посвященных встречающемуся в тексте документа слову *иноземец*. Специфика сибирской колонизации и особенности колониальной политики в отношении покоренных автохтонных народов отражаются в функционировании термина *иноземец*, особенно в составе атрибутивных словосочетаний *ясачные иноземцы* и *неясачные иноземцы*, при характеристике представителей коренного населения вновь осваиваемых территорий. В трудах ученых П. С. Игнаткина, А. Ю. Конева, А. А. Люцидарской, Т. А. Опариной, Ю. Слѣзкина дискутируются вопросы социально-правового статуса

этого термина, географии его распространения, конвертации термина из политонима в соционим и др. (подробнее обзор данных точек зрения см. в [Конев 2014]).

Таким образом, специфика внутренней политики Московского государства XVII в. представлена в колониальном дискурсе, который в Сибири имел свои особенности и воплощался в текстах деловой письменности распорядительного и отчетно-исполнительного характера.

Особенности данного дискурса заключаются в том, что социальная контекстуализация в документах разных жанров (преимущественно в указах и отписках) отражает дискурсивную практику, которая сосредоточена на формировании коллективного представления о типичной культурной модели поведения в процессе колонизации осваиваемых сибирских территорий.

Краткая характеристика языковых средств, выступающих в роли дискурсом колониального дискурса в Сибири, показывает, каким образом контекстуализация приводит к семантическим сдвигам, завершающимся формированием социальных значений, и как она актуализирует функции дискурсом – воздействовать на социальное сознание адресата и навязывать ему определенные модели поведения.

## БИБЛИОГРАФИЯ

### Словари

Сл. XI–XVII 1978 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. (Е–Зинутие). М.: Наука, 1978. 395 с.

Сл. XI–XVII 1997 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Рященко). М.: Наука, 1997. 298 с.

Сл. X–XIV 2000 — Словарь древнерусского языка (X–XIV вв.). Т. VI: (овадь–покласти). М.: Азбуковник, 2000. 608 с.

### Литература

Конев 2014 — Конев А. Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 81–86.

Лубский 2014 — Лубский Р. А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.

Нефёдов, Чернявская 2020 — Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.

Никольский 2017 — Никольский С. А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2017. 126 с.

Плунгян, Рахилина 2014 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом под: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Die Welt der Slaven. 2014. LIX. S. 22–56.

Фуко 2007 — Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007. 450 с.

### Сведения об авторе

Александр Петрович Майоров, доктор филологических наук,  
ведущий научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

map1955@mail.ru

A. P. Mayorov

## RUSSIAN COLONIAL DISCOURSE OF THE 17<sup>TH</sup> CENTURY AND MEANS OF ITS CONSTRUCTION

### Abstract

The subject of the study is discourses, the means by which Siberian colonial discourse was constructed in the 17<sup>th</sup> century. A sociolinguistic approach has been taken, which involves analyzing the social context as a source of semantic shifts and the formation of new meanings in linguistic means of discourse. Typical examples of discourses are given for each classified thematic group: *privesti (prijti) pod vysokuju gosudarevu (tsarskiju, samoderzhavnuju) ruku / pod vysokoj gosudarevoj (tsarskoj, samoderzhavnoj) rukoju; ostrog, postavit' ostrog; zemlitsa; knjazets, lutchije ljudi; inozemets*. The use of such linguistic means in the role of discourses is intended to perform the functions of influencing the social consciousness of the addressee and forming certain patterns of behavior in him.

### Keywords

colonial discourse, discourse, social context, semantic shift, social meaning